

> МАГИСТРАЛЪ >

МАРИНА И СЕРГЕЙ ДЯЧЕНКО

Vita Nostra
Собирая осколки

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д99

Иллюстрация на обложке
Н. Портяной

Дяченко, Марина Юрьевна.
Д99 Vita nostra. Собирая осколки / Марина и Сергей Дяченко. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-205871-4

Сашка Самохина, когда-то испуганная первокурсница, становится всемогущим ректором Института специальных технологий. Когда-то она поражалась жестокости преподавателей — теперь сама не знает пощады. Когда-то она не верила, что будет убийцей реальности, — теперь миру придет конец, если Сашка не соберет вовремя осколки, фрагменты своей прежней личности. Но все жертвы не напрасны.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дяченко М. и С., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-205871-4

Дорогие друзья.

Я продолжаю исполнять обещания, данные моему мужу и соавтору Сергею Дяченко, который ушел от нас 5 мая 2022 года. Я обещала ему, что третья часть VITA NOSTRA будет написана и дойдет до читателей.

Мне очень жаль, что Сергей никогда не сможет прочитать эту книгу, где звучит и его голос. Но вы — вы сможете.

*С уважением,
Марина Дяченко*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

— Если ты нажмешь на кнопку, хомяк в клетке умрет.

— Я понял. — Первокурсник кивнул. Он был конопатый, полноватый и очень старательный.

— Нажимай.

Мальчик посмотрел на нее в замешательстве, мигнул длинными светлыми ресницами и нажал на красную кнопку. Сквозь стенки клетки отлично было видно, как небольшой коричневый хомяк дернулся, повалился на спину и замер.

— Зачем ты нажал кнопку? — сдерживая себя, спросила Сашка.

— Потому что вы так сказали, — удивился первокурсник. — Вы же педагог, я делаю, что вы скажете...

Сашка демонстративно посмотрела на часы:

— Занятие окончено. На следующий раз отрабатаете упражнения четыре, пять и шесть на странице восемь.

— Но, Александра Игоревна... Я не могу эти упражнения. И никто не может... не понимает. Ни первое, ни второе, ни...

— Я педагог, — напомнила Сашка. — Вы делаете, что я скажу. Через «не могу».

Он хотел еще спорить, но посмотрел на Сашку и сразу сдался. Он был огорчен и разочарован, обижен — но не напуган, конечно. Записал номера в блокноте, попрощался и вышел; ничего он не отработает на следующий раз. Будет глазами хлопать.

Сашка открыла клетку. Вытащиладохлого хомяка. Положила на преподавательский стол.

Уперлась ладонями в край столешницы. *Присвоила* себе стол, а потом и остывающее тело. Хомяк задрожал; Сашка завершила метаморфозу, отделила от себя чужую материю, отошла от стола и уставилась в окно, где желтели молодые, недавно высаженные тонкие липы.

За ее спиной хрипло, торопливо задышали. Сашка обернулась. Второкурсница, бледная, как разбавленное молоко, сидела на столе и глядела несчастными глазами.

— Что ты поняла? — спросила Сашка.

— Мне не понравилось, — пролепетала второкурсница.

— Я не спросила, понравилось или нет. Что. Ты. Поняла сейчас?

— Александра Игоревна... Я не понимаю задания. Я не понимаю, чего вы от меня хотите. — Она чуть не плакала. — Быть хомяком неприятно, умирать еще хуже...

— Ты помнишь, как на первом курсе я давала тебе такое же задание?

— Д-да...

— И ты нажала кнопку?

— Но вы ведь сказали, что надо нажать...

— Занятие окончено, домашку прочитаешь в электронном дневнике. До четверга.

Пряча глаза, второкурсница попрощалась и вышла — поначалу никак не могла пройти в дверь, полминуты возилась, устанавливая дверной проем таким образом, чтобы в него можно было протиснуться. Сашка отошла к окну, облокотилась о свежеракрашенный подоконник, открыла форточку и закурила.

Теперь она была той самой, всех раздражающей, что курила где попало и заставляла окружающих глотать дым. Ей не смели сделать замечание. Она могла закурить на занятии, на заседании кафедры, да где угодно. Стоило ей задуматься — и сигаретный дым складывался в туманность, в систему галактик, начинал опасно мерцать, и Сашке приходилось брать себя в руки, чтобы не порушить гравитацию на институтском кампусе.

Она преподавала как тьютор — только индивидуально и только в случае крайней необходимости. Хомячий тест был ее проклятым изобретением.

Абитуриенты получают приказы о зачислении кто по e-mail, кто в жестяной почтовый ящик и приезжают. Возможности отказаться нет ни у кого, но не потому, что они за кого-то боятся. Приказ автоматически лишает их воли; нет страха, нет зла и выбора нет. Фарит Коженников что-то ей втолковывал, но кто же верит Фариту. Тем более что теперь Фарита не существует, и это сделала Сашка.

В который раз — по привычке — она подошла к белой доске, подобрала с пола упавший зеленый маркер. Провела линию — горизонт; мигнула, вспоминая что-то давнее, в тот момент не очень приятное, а теперь, как она понимала, — единственно ценное.

Вот начальный импульс — Пароль прозвучал, новый мир открылся. Формируются галактики, на пери-

ферии зажигается Солнце, на третьей планете делится первая клетка...

Сашка уронила маркер, не доведя линию до конца.

* * *

— Очередной провальный набор, Александра Игоревна, — сказала Адель. — Первый курс начнет сыпаться уже на зимнем зачете. Те, что перешли на второй, немного сильнее, но половина не сможет восстановиться после деконструкции. Да кто из них вообще сумеет сдать экзамен на третьем году обучения?!

Голос Адели звучал бархатным контральго. Чем хуже шли дела на кафедре, тем тоньше становились ее духи и совершенней косметика, а где Адель берет элегантные пиджаки, костюмы, дизайнерские сумки и обувь — Сашка и думать не желала.

— Они неспособны на усилие, — продолжала Адель. — Вареные макароны, а не студенты. Ноль мотивации, как ни пляши перед ними, как ни пытайся увлечь...

— А на физкультуре они отлично успевают, — вставил Дима, сидевший прямо на столе, нога на ногу. — Есть ребята-разрядники, есть один кандидат в мастера... Я хотел бы вернуться к вопросу о бассейне.

Сашка посмотрела на него — и ничего не сказала. Дима стушевался:

— Нет, я понимаю, что не ко времени, но мы же говорили в конце прошлого семестра...

Сашка молча закурила. Дима сморщил нос и замолчал — табачный дым был ему, как спортсмену, противен и возмутителен.

— Грамматический состав не сбалансирован, — снова заговорила Адель. — Исчезающе мало глаголов... И это глаголы в условном наклонении! Редко в изъявительном! В повелительном — ни одного!

— Речь вырождается, грамматическая структура беднеет, — негромко сказал Портнов. Он, в отличие от прочих, никогда не менялся — его джинсы, свитер и очки в тонкой оправе оставались такими же, как Сашка запомнила их на первом курсе. Тем тяжелее ей было смотреть, как меняется Портнов изнутри; нет, он держался, он сопротивлялся упрощению Речи, но иногда застревал, глядя в пространство, как второкурсник во время упражнения, и Сашка видела: еще одна глыба смыслов откололась, распалась тупым мычанием и перестала существовать.

— Нам придется их жестко отсеивать. — Адель постучала по столу, будто призывая к порядку на лекции. — Пусть останется одна группа... пусть хоть десять человек, но таких, кто сможет освоить учебную программу!

— Они не смогут, — тихо сказала Сашка. Облако дыма опасно замерцало, принимая форму плоской спирали с темным облаком в центре. Сашка махнула рукой, разгоняя нарождающуюся проекцию.

На кафедре сделалось тихо. В подвальном помещении не было окон, сюда не доносилось ни чирикание воробьев, ни звук машин, проезжающих по улице Сакко и Ванцетти. Только еле слышно гудел старый кондиционер.

— Тот мир, который я... открыла, — Сашка поморщилась, так неточно и фальшиво звучали человеческие слова, когда надо было описывать процессы истинной Речи, — имеет встроенный... дефект. Да, мир существует... и даже неплохо, многим нравится... он даже как-то развивается... Но Речь не обманешь. Олег

Борисович прав, мы все видим, что творится с грамматической структурой...

— Какая неожиданность, — невинно заметил Дима.

— У нас будет новый набор. — Сашка затушила сигарету. — С вашими разрядниками вам придется распрощаться, Дмитрий Дмитриевич, потому что набор будет прошлым летом, три месяца назад.

— Это бег по кругу. — Портнов взялся протирать очки краем свитера. — Студенты — порождения своей реальности, вам просто не из кого выбирать. Новый набор ничего не решит.

— Решит, если я проведу грамматическую реформу, — сказала Сашка.

Адель уставилась на Сашку, как на витрину. Дима покачнулся и чуть не упал со стола. Портнов прищурился:

— Вернете обратно буквы «ер» и «ять»?

Как хорошо, что у меня есть Портнов, подумала Сашка. Даже такой усталый, раненый, распадающийся изнутри.

Дима раскачивал ногами в белых кроссовках, будто загипнотизированный их движением. Мотались петли ярко-желтых шнурков.

— Дмитрий Дмитриевич, — сказала Сашка. — Сядьте, пожалуйста, как положено. Вы на заседании кафедры, а не в подворотне.

— Есть прекрасный бассейн местного спортивного общества. — Он неохотно перебрался на стул. — Чтобы получить там часы для студентов — не нужно даже денег, просто административное решение.

— И какую реформу вы нам предлагаете? — Портнов вернул очки на нос.

— Я не предлагаю, — сказала Сашка. — Это моя воля.

* * *

В половине первого ночи у нее закончились сигареты. В двенадцать сорок пришел Портнов и принес ей новую пачку.

— Ты слишком много куришь, — сказал с осуждением и сам прикурил от зажигалки, которую она ему поднесла.

— Ну хоть что-то у меня получается на отлично, — отозвалась Сашка.

В ее кабинете, находившемся на подземном этаже, тоже не было окон. Во власти Сашки было открыть здесь створку хоть на улицу Сакко и Ванцетти, хоть на Монмартр, хоть в космос. Она не утруждала себя — нигде не было того, что она искала.

— У тебя все получается. — Портнов уселся на стул верхом. — Ты убийца реальности. Все идет, как ты задумала.

— Нет, — сказала Сашка. — Мира, каким вы его видите, не существует. Каким вы его воображаете — не существует и в помине.

Так говорил когда-то Портнов на первом занятии по специальности в группе «А». Когда первокурсница Самохина стояла у доски с завязанными глазами и тарасилась в темноту. Сейчас она вернула ему должок.

Он оценил, ухмыльнулся:

— Мир существует, Самохина, каким ты его создала. Когда книга дошла до читателей, поздно переписывать текст.

— Спасибо за сигареты, — сказала Сашка. — Я отдам, честное слово.

* * *

Она поднялась на крыльцо между двумя каменными львами — морды их стерлись от частых прикосновений, но правый казался грустным, а левый насмешливым, даже веселым. Львы глядели вверх, в небо, где зимой взойдет созвездие Ориона. Сашка держалась за свою мансарду как за место силы, хотя, конечно, могла бы жить... точнее, существовать и функционировать где угодно.

В комнате пахло холодным сигаретным дымом. Антикварный стол-конторка был завален карандашными набросками, и десятки альбомных листов на кнопках и стикерах покрывали стены, будто в кино о полицейском участке. Это были Сашкины автопортреты, все разные: те на первый взгляд неотличимы от фотографий, другие похожи на детские рисунки, а третьи не то злобные карикатуры, не то мясницкие схемы разделки туши. Вперемешку лепились картинки, не имеющие ничего общего с изображением человека: то идеально симметричные, то бесформенные, с лаконичной закорючкой в центре листа или с единственной точкой, где острый карандаш насквозь пробило бумагу.

Приближалось осеннее утро. Сашка открыла дверь крохотного балкона, увитого желтым виноградом, посмотрела в небо — в ту самую точку, куда смотрели каменные львы...

Провернулись созвездия, поднялся Орион. Покрылись снегом тротуары и крыши, и пришел февраль. Сашка вдохнула морозный воздух и снова посмотрела на небо; резко посветлело, наступило утро, виноград зазеленел густой сетью. Наступил конец июня.

Старые часы в комнате пробили семь. Сашке вспомнились другие часы, в другом доме, в иных обстоятельствах, но она до времени заперла воспоминание. Приняла горячий душ, разогрела бутерброд в микроволновке, сварила кофе. Выкурила две сигареты подряд — из пачки Портнова. Надо купить и вернуть ему пачку, но рядом с институтом сигареты не продаются.

В белом льняном костюме, в сандалиях на плоской подошве Сашка вышла из дома. Орали воробьи в липах. У входа в институт, у тротуара, стояла пара автобусов с табличкой «Специальный заказ».

Сашка вошла в вестибюль, кивнула вахтеру и тут же проследовала в институтский двор. Тут, между общей и основным зданием, толпились студенты, только что переведенные на второй курс. С цветными рюкзаками, сумками, кто-то с гитарой — вчерашние первокурсники ехали на практику.

Они топтались на месте или стояли неподвижно. Они хмурились или рассеянно улыбались. То и дело трогали уши, щеки, носы, будто желая убедиться, что все части тела на месте. Иногда касались друг друга, не желая подбодрить или привлечь внимание — а все затем же, чтобы убедиться, что мир и предметы вокруг материальны.

Сашка видела их изнутри — с носами на затылке, с глазами на животе, с разрушенными привязанностями, причинно-следственными связями, вывернутой логикой. Естественный деструктивный этап, который проходит любой студент в первые годы обучения. Если они будут прилежно учиться, то соберут себя заново и сквозь человеческую оболочку проглянет Слово...

Сашка пошла от одного к другому, вглядываясь в лица. Кто-то смотрел сквозь нее, кто-то неуверенно